

Диакон Андрей Кураев "Откуда у церкви деньги?"

Не запах ладана и воска встречает посетителя у входа во многие православные храмы – а звон монет и разговоры о деньгах. Свечи, иконки, освященное масло, просфоры, крестики, – все это предлагается в «свечных ящиках», располагающихся у входа в храм или даже в самом храме.

Если человек знает Евангелие – он тут же вспоминает, что Христос изгнал торговцев из храма. Если человек Евангелия сам не читал – что ж, рано или поздно найдутся «доброжелатели» из какой-нибудь секты, которые не откажут себе в удовольствии ткнуть пальцем в чужой грех. С гневным возмущением они обратят ваше внимание на очевидное противоречие между жизнью православной церкви и Евангелием...

Но ведь Евангелие читают и православные священники. Почему же в наших храмах звенят деньги?

Деньги в храме – это плата за то, что мы живем в условиях, весьма отличных от той культурно-бытовой среды, в которой складывались устои православной жизни. Это наша плата за то, что мы живем не в традиционном обществе, не в крестьянской общине. Мы – жители городов, вдобавок северных, а отнюдь не палестинских или греческих.

Представим себе основы церковной «политэкономии» в ту пору, когда господствовало так называемое «натуральное хозяйство».

Что нужно было для повседневной жизни храма? – Хлеб и вино для таинства Причастия. Воск для свечей, оливковое масло для лампад, ладан для благовонного каждения. Все это совсем не экзотично и не дорого. У греческого, сербского, болгарского крестьянина (а именно оттуда к нам пришел православный уклад жизни) все это было под рукой. Хлеб он выращивал свой. Вино делал из своего винограда. Маслиничное дерево росло на его же пастбище. В качестве ладана могла сгодиться смола, собранная с деревьев (прежде всего – сосен и кедра).

Денег почти не было (особенно на селе). Люди приносили в храм частичку того, что они вырастили или сделали сами. Они не покупали свечи в храме – а приносили из дома свои [48]

. Они не покупали в храме бутылочку с маслом для своих домашних лампад, но из дома приносили сделанное своими же руками масло. Они не покупали в храме просфор, но свой, домашний хлеб или муку приносили для храма. Они не покупали в церковной лавке ладан, привезенный из-за границы, но сами делились с храмом собранной ими смолой. То, что мы сегодня выносим из храма, еще сто лет назад люди (по крайней мере крестьяне) в храм приносили.

Крестьянин понимал, что он не является творцом своего урожая. Да, его труд и его вклад велик. Но без дождя и без солнца – разве дала бы плод вспаханная им земля?! Всю страду он с надеждой смотрел на небо. Теперь у него есть урожай – и чувство справедливости требует быть благодарным Небу. Частичку своего урожая, частичку своего труда он приносит к алтарю: «Ты даровал мне этот дар, Господи, я благодарю Тебя за него и приношу ответный дар, хотя и символический».

Именно в этом смысл освящения льна, меда, яблок, винограда в августовские церковные праздники. Яблоки не становятся вкуснее от принесения их в храм. Просто душа учится быть благодарной. Как однажды заметил английский писатель Честертон, религиозное воспитание малыша начинается не тогда, когда отец начинает рассказывать ему о Боге, но когда мать учит говорить «спасибо» за вкусно испеченный пирог.

Итак, люди приносили частичку своего труда в храм. Так сегодня на панихидах, поминая своих близких «за упокой», люди приносят из дому печенье, яблоки, пряники, сахар, блины и ставят их на панихидный столик. По окончании молитвы часть принесенных продуктов они отдают церковнослужителям, часть – предлагают всем, кто находится в храме, часть – раздают нищим у храма. Вот так же раньше происходило и с важнейшей церковной службой – с Литургией. Люди приносили из дома вино и хлеб, передавали их священнику с просьбой помолиться за тех, кто принес эти дары и о тех, за кого они принесены. Это и было то, что сегодня называется «просфора». По-гречески это слово означает приношение. «Просфора» – то, что приносится в храм, приносится в жертву, а не то, что уносится из храма.

Но сегодня люди дома не пекут хлеб и не делают вино. Более того – ни домашняя выпечка хлеба (в тех семьях, где она сохранилась), ни домашнее изготовление вина или

свечей сейчас почти ни для кого не являются основным видом труда. Люди живут иными работами, и эти иные виды труда дают им пропитание и заработок. Но где бы ни работал человек – его религиозная совесть напоминает ему: в своей работе ты пользуешься теми талантами, теми дарами, теми возможностями, что даровал тебе Творец. Так хотя бы частичку их верни в Его храм с благодарностью. Как же инженеру или трактористу, журналисту или учителю частичку своего труда принести в храм? Не деталь же от трактора приносить и не экземпляр газеты со своей статьей... – Так у нас есть знаки, выражающие плодотворность труда в самых разных сферах. Это то, что в современной политэкономии называется «всеобщий эквивалент». Деньги.

Часть того, что человек заработал, он в виде денег приносит в храм. Эти бумажки он меняет на то, что не сделал сам, но что нужно для службы в храме: на свечи, хлеб (просфоры), вино, масло, ладан... Для постороннего взгляда здесь происходит явная торговая операция: деньги меняются на предметы. На самом деле все иначе. Человек принес свою жертву. Но ведь денежную купюру не зажжешь вместо свечи, а монету не положишь в кадило вместо ладана. Что ж – Церковь заранее позаботилась о том, чтобы нужные вещества были заготовлены. Свечу не нужно делать самому и везти в храм через полгорода. К церковному порогу прихожанин может поднести свою жертву в виде монетки, а уже внутри храма идти со свечой в руке.

Налоговая инспекция видит здесь акт торговли. И, конечно, требует поставить кассовые аппараты в храмах и уплачивать «налог с продаж» свечей и просфор. В чем тут неправда? – Человека понуждают давать жертву совсем не тем, для кого он ее принес. Человек принес свою жертву в храм, а налоговая инспекция говорит: нет-нет, вот эту часть мы берем себе. Если люди сегодня больше доверяют Церкви, чем государству – разве в том вина Церкви?

Законодательство гласит, что если предприниматель часть своей прибыли жертвует на Церковь, пожертвованная сумма исключается из его налогообложения. Так почему же это правило нередко забывается, когда речь идет о тех копеечках, которые живые и небогатые люди (а не юридические лица) приносят к храмовому порогу?

Мы не видим в этом акта купли-продажи. «Свечной ящик» – это скорее тот переходной тамбур, который помогает людям из современной цивилизации безболезненно перейти (хотя бы в одном отношении) в мир древней традиции. И потому мы не считаем, что наличие «свечного ящика» у храма нарушает Евангельскую заповедь или налоговый кодекс.

Патриарх Алексий при встречах с духовенством постоянно подчеркивает: в храмах не должно быть слов «цена», «стоимость», «плата». Лучше говорить «жертва на такую-то свечу», «пожертвование на такую-то молитву». А есть храмы, в которых свечи вообще предлагают без всяких разговоров о деньгах. Свечи просто и открыто лежат, а рядом с ними стоит ящик для пожертвований. Кто-то по скудости своих средств берет бесплатно. Но нередко люди опускают в этот ящик не тот рубль, в который реально обошлось производство свечи, а пять или десять рублей – понимая, что здесь не обмен эквивалентами, а жертва.....

Теперь понятно, почему с церковной точки зрения согрешают те, кто покупают (здесь-то – именно покупают) свечи у уличных торговцев или в светских магазинах, не в храме. Если свеча есть символ нашего горения к Богу и нашей жертвы для Него – то что же получается, если вы эту свечу приобрели у обычного бизнесмена? Свеча не молится за нас, вместо нас. Свеча лишь напоминает нам о том молитвенном горении, которое должно быть в наших сердцах. Свеча сегодня не способ освещения храма или квартиры. Она – воплощение той малой жертвы, что мы принесли в храм. Сама же эта малая жертва есть символ той величайшей жертвы, которую христианин должен принести Богу: “Сами себя, и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим”. Да разве можно произносить эту молитву с «сэкономленной» свечой в руке? Такая жертва приносится не в храм, а мимо храма. И свеча такая горит не Богу, а нашему эгоизму и копеечной «экономии».

Свеча, купленная на улице и принесенная в храм – не жертва, а нечто противоположное. Это копейка, украденная у храма. Как бы ни заверяли уличные свечные торговки, что их свечи «освященные», «софринские», «церковные» – своим собеседникам они предлагают соучастие в грехе.

Да, в прошлом люди свои свечи приносили в храм, а не приобретали их в храме. Но кроме этого, они еще и платили церковную «десятину» (пусть даже не деньгами, а частью своего урожая). Сегодня Православная Церковь (в отличие от многих протестантских общин) не призывает своих прихожан к столь ощутимой – десятипроцентной – жертве. Но, пусть и малая жертва, чтобы перестать быть актом купли-продажи и приобрести духовно-значимый характер, должна быть все же принесена в храм, а не отдана уличным спекулянтам.

Сегодня слова «жертва» и «жертвенность» не популярны. Но чем настойчивее реклама

и массовая культура твердят, что жить надо как можно вкуснее и что «себе в удовольствии не откажешь», тем важнее для Церкви противостоять этой расчеловечивающей моде.

Не о деньгах наш спор с налоговой полицией, которая норовит собрать налоги с тех операций «купли-продажи», которые ей мерещатся в храмах. Так смотреть на церковную жертву, приносимую людьми, все равно, что в крещении видеть лишь закаливающую процедуру. Не ради же закалки люди подходят в крещению. Конечно, происходящее в крестильне можно описать по законам физики и вспомнить не Христа, а Архимеда: сопоставим вес тела и массу вытесненной им воды... Но не ради того, чтобы поднять уровень воды в крещальной купели, опускается туда человек... И как происходящее в крестильной купели не описать законами Архимеда, так и то, что происходит у свечного ящика, не описать лишь по законам Адама Смита, Карла Маркса и Егора Гайдара.

Здесь не торговля, а воспитание души. Осознай тот малый жест, что совершаешь у церковного ящика, не как обычную торговую операцию, но как начальную жертву – и многое начнет меняться в душе. Не купленную свечу с сознанием выполненного покупательского долга надо возжигать на подсвечнике, но огоньком жертвенности освещать свой жизненный путь. Это, конечно, малость. Но и она может помочь человеку осознать, что, кроме работы, в мире есть еще и служение. Кроме того, что продается и покупается, есть еще и то, что жертвуется.

Свечи, некогда необходимые для освещения храма, сегодня утратили это свое назначение. Храм освещается электричеством (Нарва), а за электричество надо платить деньгами. Храмы в России надо отапливать (чего, кстати, нет в Греции и что было редкостью в средневековой Руси). Где храму взять деньги для расчета с городскими службами, если люди даже свечи будут покупать у уличных торговков?

То, что Церкви есть, на что тратить деньги – понятно. Строительство и реставрация храмов, зарплата священникам и певцам, сторожам и уборщицам. Затраты на содержание семинарий, воскресных школ, церковных гимназий и больниц. Аренда помещений для внехрамовых бесед и лекций и покупка эфирного времени для радио- и телепроповеди. Содержание центрального аппарата и зарубежных миссий и представительств... Откуда же Церковь может брать эти немалые деньги?

В прошлые века большая часть этих средств шла прямо из государственного бюджета. При отделении Церкви от государства на этот источник более полагаться нельзя [\[49\]](#) .

В некоторых странах в распоряжении Церкви (почти исключительно – католической Церкви) остались земельные угодья, пожертвованные ей в течение многих предыдущих столетий, и Церковь может жить за счет сдачи этих земель в аренду. Но и такой вариант в современной России нереален.

В ряде стран (прежде всего – Германия и государства Скандинавии) собирается специальный церковный налог. Каждый гражданин страны обязан определенный процент от общей суммы своих налогов перечислить на церковные нужды (свобода же совести состоит здесь в том, что человек может сам решить – какой именно из конфессий он доверяет свои деньги). Подобный вариант в современной России – явно из области фантазий.

Наконец, те религиозные общины, которые не зависят от поддержки государства, нередко вводят свой внутренний обязательный налог со своих прихожан. Это так называемая «десятина». 10 % от всех своих доходов прихожанин обязан пожертвовать в церковную кассу. Когда-то и на Руси было такое правило (вспомним, что первый православный храм в Киеве назывался «Десятинной церковью» [\[50\]](#)). Но вернуться сегодня к такой практике нам мешает понимание того, что этот шаг означает сокращение и без того крохотных пенсий и зарплат многих наших прихожан на десятую их часть.

Что же в этом случае остается? – Предложить прихожанам жертвовать в храм по мере своих сил (принося копеечные жертвы за свечи и просфорки) в обычные дни и годы их жизни. И при этом предложить им жертвовать в храм более серьезные суммы при тех редких случаях, что бывают в жизни нечасто (прежде всего – при крестинах и венчаниях).

Несомненно, что быть православным прихожанином в этих условиях гораздо «дешевле», нежели быть протестантом, платящим ежемесячную «десятину». Но несмотря на это, протестантские проповедники любят поязвить на тему о сребролюбии православных: все мол, у них, за деньги. Нет, далеко не все. Человек может ходить в храм и жить церковной жизнью, не внося в церковную кассу вообще ни копейки.

Никто не заставляет его приобретать свечи. Важнейшие таинства нашей церковной жизни – исповедь и причастие – всегда совершаются без всяких «плат». Если у человека нет возможности внести надлежащую жертву за крестины, венчание или погребение – по церковным правилам священник обязан согласиться на совершенно безвозмездный труд (труднее будет уговорить хор).

Если у человека нет возможности передать в алтарь записочку о «поминовении» своих близких с приложением к ней жертвенной копейки – и это не беда. Господь знает помыслы наших сердец и состояние наших семейных бюджетов. Если не мелочная корысть и не типичная жажда «халявы» стоят за этим, а действительная бедность – что ж, горячая молитва человека за своих ближних будет Богом услышана. Ведь священник, завершая литургию, опускает в Чашу с искупительной Кровью Христа все частицы, вынутые из переданных в алтарь просфорок. Вынимая эти частички (хлебные крошки) из просфор в начале Литургии, священник зачитывал имена тех людей, что значились в сопроводительных записках. Теперь же все их он опускает в Чашу со словами: «Омой, Господи, грехи поминавшихся zde кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих». Видите: священник не говорит «мною ныне поминавшихся» но – вообще «поминавшихся». Упоминаемые в этих же словах «молитвы святых» – это отнюдь не только молитвы тех, кого мы привыкли видеть на иконах. Здесь имеются в виду и молитвы тех, кто стоят с нами в храме, тех, кто причастился Крови Христовой на этой Литургии (перед Причастием ведь священник возгласил: «Святая – святым», то есть святыня Христова дается тем, кто достойно, исповедав свои грехи, очистившись, приступает с Причастием). Как видим, не вместо нас молится священник о наших ближних, но вместе с нами. И поэтому невозможность принести денежную жертву на храм никак не означает, что человек не может приносить молитвенную, сердечную жертву Богу. Исповедуйся, причастись, и, причастившись, помолись о своих ближних – и такая молитва будет значить никак не меньше, чем молитва священника о них в алтаре по переданной тобой записке.

А теперь настала пора открыть главную тайну церковной экономики: Церковь живет на деньги атеистов.

Представьте, что я юный «богоискатель». Я прихожу в храм и прошу священника меня покрестить. Батюшка, поговорив со мной, понял, что желание-то у меня серьезное, а вот знаний о Евангелии и о нормах церковной жизни – никаких. Он предлагает мне походить в воскресную школу или на беседы с ним. Проходит время (может, месяц, может – годы). Наконец, и он, и я приходим к выводу, что настала пора для моего сознательного крещения. Возьмет ли с меня, со студента, деньги священник, который немало собственных сил вложил в то, чтобы мое решение стало более осознанным и глубоким? Или скорее он сам сделает мне подарок в день моего духовного рождения?.. Между

прочим, именно так и было со мною в 1982 году – при крещении с меня не то что не взяли ни копейки, но еще и подарили крестик и свечи.

Проходят годы. Юноша растет действительно церковным человеком, регулярно исповедуется, причащается; в храме он бывает не только по большим праздникам... И вот однажды он приходит к священнику не один: «Батюшка, знакомьтесь, это моя Танечка... Мы бы повенчаться хотели...». Заговорит ли с ним священник о деньгах? Или повенчает своего духовного сына радостно и бесплатно – да опять же еще и очередную книжку по этому случаю подарит?

Проходит год. Молодой человек и его Танечка, за этот год также ставшая прихожанкой и духовной дочерью того же священника, подходят к нему с очередной просьбой: «Вот тут у нас, понимаете ли, Ванечка родился... Когда бы нам покрестить его?». Кто тут вспомнит о деньгах?

Еще годы остались позади. Татьяна скорбно подойдет к тому же священнику (если он будет еще жив) и скажет: «Овдовела я... Отпойте моего любимого». И неужели за отпевание человека, воспитанного им, всю жизнь проведенного на глазах у священника, он возьмет деньги у своей же скорбящей духовной дочери?

Вот парадокс городской церковной жизни: постоянные прихожане, подлинные духовные дети священника денег в храм практически не приносят. Храм же живет не на пожертвования прихожан, а на деньги «захожан». Прежде всего – на деньги тех, кого приносят в храм дважды в жизни: первый раз, чтобы крестить, второй раз – чтобы отпеть. Вот эти практические атеисты, не знакомые ни священнику, ни прихожанам, и передают свои деньги в церковный «свечной ящик». За себя и за того (церковного) парня.

Такая система церковной «экономики» сложилась в советские времена. Сегодня она, конечно, усложнилась. Появилась книжная и иконная торговля (есть храмы, в которых честно предупреждают: книги в нашем храме стоят дорого, дороже, чем в светском магазине. Но поймите, дорогие, приобретая книгу именно у нас, вы жертвуете на возрождение храма»). Есть благотворители-спонсоры. Бывает помощь со стороны городских властей.

И оказалось, что теплота человеческих отношений вознаграждается сторицей. Прихожане, полюбившие священника, убедившиеся в бескорыстии его служения, воспринимают как свои нужды храма. И, если не могут помочь сами, находят знакомых в новых российских элитах (в госаппарате, в банках, в сфере бизнеса), знакомят с батюшкой и убеждают помочь. Те же священники, что по-наемнически относились к людям и смотрели на прихожан сквозь купюры – остались один на один со всеми волнами финансового кризиса. На добрых же пастырях, сумевших по-человечески, по-христиански относиться к людям, сбылись евангельские слова про заботу о земных благах: "Ищите прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам" ([Мф. 6:33](#)).

"Откуда у церкви деньги? "Диакон Андрей Кураев из книги "Церковь в мире людей"